

Содержание



Часть I Небо и земля

Дорога в небесах		стр. 009
Рождение легенды	一	стр. 011
Прерванный полет	二	стр. 039
Школа неба	三	стр. 075
Валькирия авиации	四	стр. 117
Война в небе	五	стр. 131
Ад на земле	六	стр. 163
Ветры с севера	七	стр. 197
«Летающие тигры»	八	стр. 239
За океан и обратно	九	стр. 289
Не конец войны	十	стр. 319
Рапорт об отставке	十一	стр. 353
Красная полоса	十二	стр. 401
Домой!	十三	стр. 439
«Джао Сэ, сын и дочь LTD»	十四	стр. 467
Глава крайняя, но не последняя		стр. 495

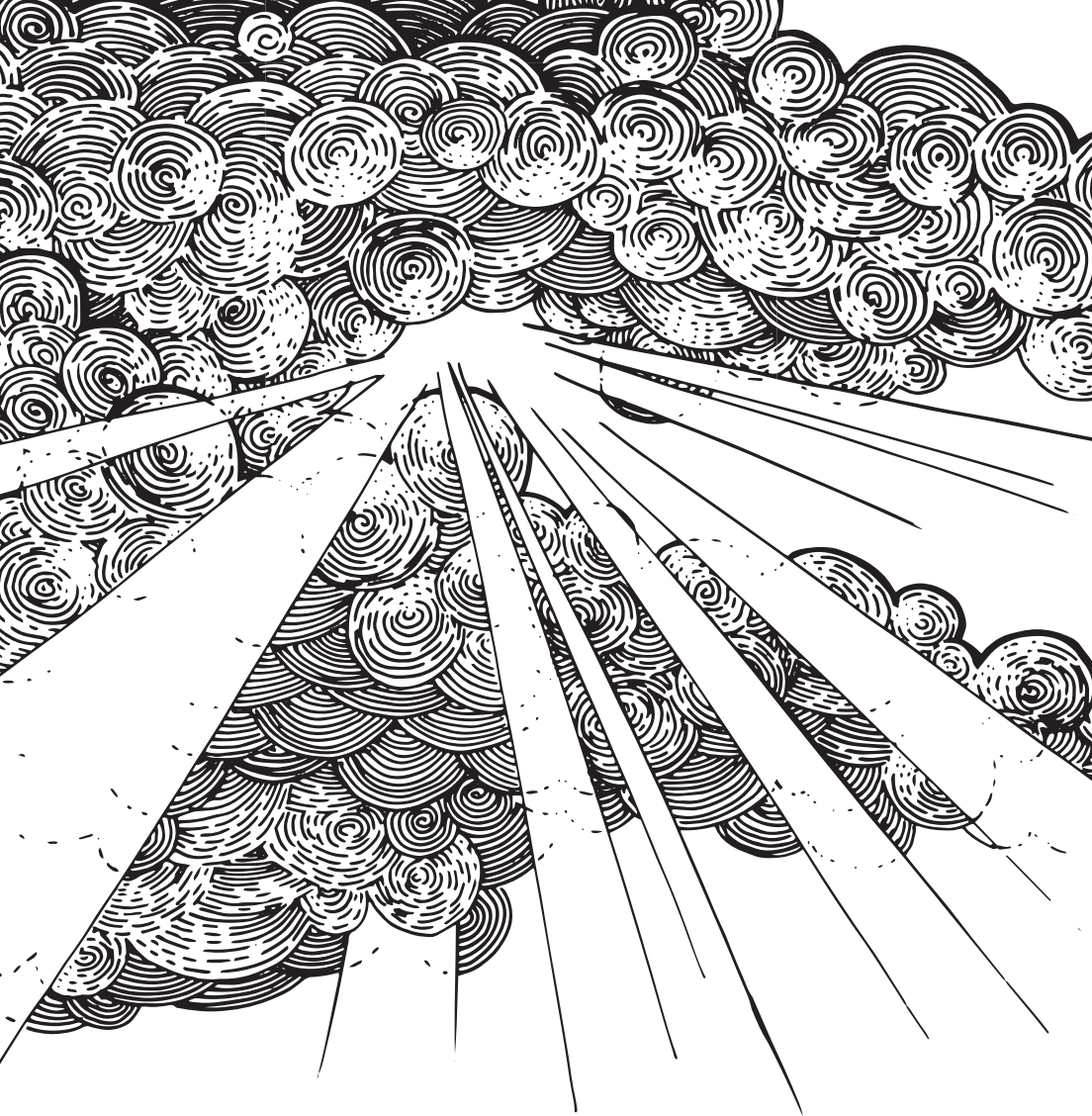


СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ
ДРУЖБЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЧАСТЬ 1

Небо и земля

第一册






Дорога в небесах

(Вместо пролога)



Жизнь и приключения героя этого повествования покажутся слишком необычными для подлинной истории. Возможно, облака и воздушные потоки придали некоторым их подробностям несколько размытые формы. Если провести большую часть земного пути в полете, самый цепкий глаз биографа не уследит за всеми перемещениями! Как говорил древний мудрец Кун-Цзы, более известный читателю под привычным именем Конфуций, «жизненный путь человека подобен дороге: если идти по ней пешком, она кажется утомительной и долгой. Но если взмыть под облака, от начала до края — лишь несколько взмахов крыла». Хотя некоторые приписывают эту мудрость знаменитому стратегу Сунь-Цзы, задумывавшемуся о перемещениях по воздуху, другие — парившему на крыльях фантазии поэту Ли Бо, третьи — и вовсе гению Леонардо да Винчи. А один достойный ветеран советской авиации, фамилия которого слишком давно стала достоянием расхожего анекдота, чтобы повторять ее еще раз, и вовсе уверял, что это слова нашего героя.

Наш герой действительно умел облачать приходившие ему на ум во время небесных путешествий мысли в емкую форму слова. Однако никогда не записывал свои афоризмы, потому что меньше всего стремился к славе. Говорят, больше всего в жизни он любил свободу и потому



облетел земной шар — и не раз, и в самых различных направлениях. Говорят, он был подвижником прогресса авиации, начал свой полет в эпоху ее золотого века и завершил его, когда крылатые корабли стали обыденными хозяевами неба, а человечество шагнуло еще выше. Говорят, он любил испытывать себя на прочность — и прочность была высшей пробы. Он был воздушным бойцом и воздушным путешественником, искателем рекордов и открывателем новых пределов, поэтом и изобретателем, практиком и романтиком. Его жизнь можно читать как историю авиации, историю блестящего и ужасного XX века. Через нее прошли многие известные люди земли и неба, имена которых более знамениты, чем имя нашего героя.

Собственно, пора бы назвать его. Перед вами история жизни и приключений знаменитого летчика Джао Да, родившегося и впервые поднявшегося в воздух, что глубоко символично, в Поднебесной (в год его рождения снова ставшей империей, но ненадолго¹). Некоторые страницы жизни прославленного авиатора записаны с его собственных слов, другие — по воспоминаниям его многочисленных друзей, как подлинных, так и, возможно, самозванных, потому что люди всегда тянулись к Джао Да, как тянутся ввысь...

Эта история ни в коей мере не вступает в противоречие с семнадцатью главными легендами о знаменитом летчике Джао Да, кропотливо собранными его ранними биографами. Она развивает и дополняет их. А если некоторые эпизоды покажутся читателю очень уж невероятными, пусть обратится к истории авиации XX века. И тогда читатель увидит, что весь путь авиации — история невероятного, ставшего достижимым благодаря целеустремленным, смелым и влюбленным в небо людям. Таким, как китайский летчик Джао Да.

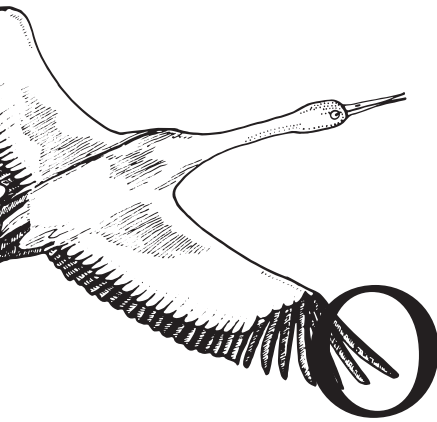
¹ В 1915 г. президент Китая генерал Юань Шикай предпринял попытку восстановить империю, через несколько месяцев завершившуюся провалом.



г л а в а 1



Рождение легенды



Обратимся к произведениям прославленных писателей. Александр Дюма едва уделил пару строчек детству д'Артаньяна или Эдмона Дантеса, графа Монте-Кристо. Велеречивый Оноре де Бальзак, ироничный Бернард Шоу, неутомимый Рабиндранат Тагор и другие магистры пера предпочитали знакомить читателя со своим героем уже в расцвете юности или в зрелом возрасте. Фразы типа «Я, автор сих строк, появился на свет...» или даже «Наш герой родился от достойных родителей имярек...» представляются сегодня чем-то полуархаичским вроде романов Даниэля Дефо или аббата Прево.

Однако древняя мудрость Поднебесной, по сравнению с которой вся современная литература занимает отрезок времени не толще детского ногтя, гласит: «Первый взгляд ребенка определяет направление пути».

Наша история начинается с журавлиного клича. Ранним утром 10 октября 1915 года в небе над деревней Лайан-Цися в уезде Янцюань провинции Шаньси проплывал журавлиный клин. Буроватые квадратики отдыхающих до весны рисовых полей и казавшиеся крохотными кучками тростниковой соломы крыши домиков мало занимали сильных птиц, запоздавших в своем сезонном перелете на зимовку. Только вожак едва поглядывал на землю пытливым круглым глазом, отмечая одному ему известные ориентиры.

Башмачник Джоа Сэ, нервно прохаживавшийся вокруг своей добротной фанзы, поднял голову, услышав в небе журавлиное курлыканье. «Увидеть журавлей — к удаче!» — пробормотал он и начал бубнить заклинания сверкающему Дракону-хранителю, хотя в обыденной жизни считал себя человеком не суеверным. Однако этот октябрьский день был для преуспевающего ремесленника отнюдь не обыденным. Он не смел переступить порог своей фанзы: там свершалось женское действие. Молодая жена мастера Джоа Сэ, красавица Мин-Су, которую он взял за себя из хорошей, хоть и обедневшей городской семьи, давала рождение их первому ребенку. Сквозь бамбуковые стены фанзы до слуха башмачника долетали встревоженные голоса родственниц и повитух, помогавших роженице. Но сама Мин-Су, несмотря на хрупкое сложение наделенная сильной волей, не кричала, только сдержанно стонала, чтобы не тревожить мужа и не пугать ищущее путь к свету дитя.

Несколько молодых журавлей, отставших от своей стаи, спешили догнать своих, инстинктивно образуя в полете свой маленький клин.

В эту минуту башмачник Джоа Сэ услышал сначала громкий здоровый крик новорожденного ребенка, а затем радостный голос повитухи:

— С тебя десять юаней², почтенный господин Джоа Сэ! У тебя родился сын.

² Серебряные юани первой послереволюционной эмиссии (1914 г.) в Китае стоили в отношении к американскому доллару 3,36: 1. Оставались в обращении и юани Цинской империи (они же «китайские доллары»), равные мексиканскому серебряному песо. С 1903 г. банками Императорским и Ху Пу выпускались также денежные банкноты. Отношение бумажного юаня к серебряному «юаню-доллару» составляло на 1920 г. 50: 1 («Russian emigre life in Shanghai», 1967). Месячный прожиточный уровень в Шанхае в этот период — 120 серебряных (6000 бумажных) юаней, зарплата квалифицированного работника — до 200 юаней-долларов в месяц. Все расчеты в Лайан-Цися идут в серебре, так как крестьяне всегда не доверяли банкнотам. Историческая стоимость услуг повивальной бабки автору неизвестна.

Предприимчивая женщина стояла на пороге фанзы, протягивая молодому отцу маленький живой сверток. Порывисто и бережно взяв новорожденного сына, Джао Сэ заглянул в его крошечное сморщенное личико и вдруг с удивлением воскликнул:

— Люди, мой сын смотрит в небо! Он видит журавлей!

В больших выпуклых глазах младенца, обращенных к небу с живым и, казалось, осмысленным интересом, отразились плывущие в вышине облака и журавли.

— Уа-ва-ва, — сосредоточенно произнес будущий знаменитый летчик и сделал ручками энергичное движение, словно повторяя взмах журавлиных крыльев.

Существует легенда, что первый взгляд будущего пилота был с интересом обращен к небу. Сам Джао Да рассказывал, что совершенно отчетливо видит картину, чудесным образом запечатленную его памятью в первую минуту жизни: летящие облака, летящие журавли и бездонное синее небо.

Вечером того же дня, сидя у очага, башмачник Джао Сэ задумчиво перематывал дратву, прикидывал в уме, во сколько ему встанет деревенский праздник в честь рождения первенца, и предавался мечтаниям. Он вообще был человеком с весьма живой фантазией.

— Имя моему сыну будет Да, — говорил он счастливой Мин-Су, кормившей ребенка. — «Да» значит «достижение, стремление». Мой сын будет стремиться вперед и вверх. Он разовьет наше семейное предприятие, и, кто знает, может быть, я еще увижу, как он откроет в Янцюане, а то в самом Тайюане³, обувную фабрику или станет богатым торговцем...

— А может быть, — нежно подала голос Мин-Су, — наш сыночек выберет путь учения. Выучится и станет адвокатом... Или инженером... Или, — тут ее

³ Столица провинции Шаньси.

миндалевидные глаза подернулись романтическим туманом, — или военным!

— Только не военным, жена! — раздраженно отрезал Джао Сэ. — Хватит в нашей семье одного военного, моего покойного старика. Он служил боцманом на броненосце «Чин-Иен»⁴, я рассказывал... Мальчишкой я даже гордился: мой отец — моряк! Потом была война с японцами. Он вернулся домой, ковыляя на деревянной ноге, чокнутый на всю голову, и первым делом чуть не прокурил на английском опиуме наше хозяйство! И прокурил бы, если бы не мать. Она отдубасила его покрепче, чем японцы. И все равно старик до самой смерти периодически дымил опиумной трубкой, как тот самый броненосец.

— Твой отец был храбрый и несчастный человек, Джао Сэ, — почтительно, но твердо ответила Мин-Су, осторожно пеленая ребенка. — Наш сын будет тоже храбрый, но счастливый. Журавли принесут ему счастье. Нам сейчас нечего гадать. Он выберет тот путь, который укажет ему стремление, заложенное в его имени. Или журавли...

При этих словах башмачник Джао Сэ неопределенно усмехнулся: мол, вольно женщинам болтать. А маленький Джао Да сосредоточенно зачмокал и — как потом утверждала его мать — совершенно определенно показал пальчиком вверх.

Ранние годы нашего героя мало известны биографам. Сам знаменитый летчик Джао Да много лет спустя говорил: «Жизнь подобна циклу небесных тел, совершающих свой путь по орбите. Но если опустить веру в переселение душ, которая делает это движение бесконечным, у нашей орбиты есть начало и конец. Человека отличает

⁴ «Чин Иен» — броненосец китайского флота, вступил в строй в 1885 г., участвовал в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. Захвачен японцами в 1895 г. и введен в состав японского флота, где прослужил до списания в 1911 г.

от известных ему планет то, что в начале пути еще рано судить о его параметрах — скорости, траектории, сопутствующих факторах. Все мы начинаем этот путь чуждыми как злу, так и знанию, чистыми, словно раскрытый листок ученической тетради. Жизнь нанесет свои знаки позднее».

Малыш Да, к радости родителей, рос крепким и здоровым мальчонкой, и в первый год жизни его громкий плач или залиvistый смех не раз заставляли разумного отца Джао Сэ замечать:

— Громкий голос свидетельствует о неумеренности страстей. К добру и процветанию в этом мире ведут не страсти и крик, а умеренность и осторожное молчание. В конце концов, это мешает спать соседям! Уйми ребенка, Мин-Су!

— Соседям мешает спать не крик нашего сына, а зависть к твоему успеху, мой супруг, — отвечала Мин-Су, которая, несмотря на свой нежный характер, умела отстаивать свое мнение. — Пусть сынок смеется или плачет, а когда овладеет искусством речи — пусть говорит, что у него на сердце. Будда Шакьямуни не создал бы учения, если бы помалкивал.

И она читала своему сыну чудесные сказки о несгибаемом бессмертном герое Шуне, который был сильнее всех бед, о находчивых братьях Лю, стоявших друг за друга стеной, о благородной Мулань, для которой долг был превыше смерти... И еще много-много других, в которых красота духа человека смешивалась с древней мудростью, как розовый цвет мешается с синим на рассветном небе.

К двум годам Джао Да уже бойко болтал, повторяя полюбившиеся строчки из любимых сказок. Трех лет от роду он носился вокруг отеческой фанзы, гоняя уток и то и дело заставляя Мин-Су отрываться от домашних хлопот, чтобы вернуть сорванца в безопасные пределы. В четыре года будущий летчик совершил свой первый самостоятельный полет. Когда родители недоглядели за ним, он

взобрался на забор из тростника и, раскинув ручонки наподобие крыльев, совершил бросок в неизвестность... Полет тотчас закончился катастрофическим падением на деревенскую улицу, которое жители деревни Лайан-Цися, несомненно, сравнили бы с низвержением Икара, если бы были знакомы с античной мифологией. Только деревенский пьяница, он же настоятель пагоды беглый тибетский монах Юнь Ши, нетвердой походкой возвращавшийся из питейного заведения, пророчески изрек:

— Ого, сынишка скряги-сапожника вылетел из родного дома...

Джао Сэ, прибежавший на треск обрушившегося забора, прогнал пропойцу пинками. А его четырехлетний отпрыск, которому растревоженная Мин-Су вытирала разбитый в кровь носик широким рукавом своего ципао⁵, проплакавшись, гордо заявил:

— Мама, я полетал, как дракон из твоей сказки!

Башмачник Джао Сэ, человек мягкий и добросердечный, но умевший проявлять и разумную твердость, вытянул узкий пояс, стягивавший его таоку⁶, схватил маленького летуна под мышку и решительно направился в фанзу, приговаривая:

— Вот ты и долетался, драконий птенец! Будешь теперь знать, как переходить пределы двора, заборы ломать...

Так в младенческом возрасте Джао Да узнал, что полет связан с нарушением пределов обыденности и очень часто — с болью.

— Ну что, сынок, будешь теперь переходить пределы? — назидательно спросил удовлетворенный своими воспитательными приемами башмачник Джао Сэ у заревавшего сына. Тому мама Мин-Су как раз смазывала смесь кунжутного масла и меда следы порки на мягкой части.

⁵ Традиционная китайская народная женская одежда.

⁶ Широкие мужские штаны, элемент китайского крестьянского костюма.

— Буду! — решительно заявил маленький Джао Да. — Но я больше не буду ломать забор. Буду летать повыше.

С того дня он полюбил смотреть в небо. В очертаниях плывущих облаков ему представлялись волшебные существа и сказочные миры. А еще за них, казалось, так просто ухватиться и облететь на них всю землю. Надо только забраться повыше!

Маленький Да приятельствовал со своими ровесниками — босыми горластыми деревенскими сорванцами. Различие в достатке и положении родителей еще не нарушало их дружбы. Однако шумные игры мальчишек, подвижные, но однообразные, быстро прискучивали сыну башмачника Джао Сэ. Он находил в них мало пищи для своего любознательного ума. Даже развлечения девочек казались ему более разумными — они со своими куколками по крайней мере создавали игрушечный мир, отличный от деревни Лайан-Цися, знакомой от старой пагоды до залитых водой рисовых полей.

В детстве Джао Да любил проводить дни, искусно мастеря из бумаги игрушечные домики и корабли, вырезая и раскрашивая извивающихся драконов, забавных человечков или существа и предметы, жившие только в его воображении. Свои поделки, получавшиеся довольно затейливыми, он щедро раздавал маленьким друзьям. Однажды отец стал свидетелем этой щедрости и сначала по привычке потянулся было к ремню. Но после хитровато усмехнулся и сказал, потрепав сына по жестким черным волосенкам:

— Молодец, сынок! Когда я встречаю выгодного заказчика, я тоже шью ему первую пару обуви бесплатно. Если ему понравится, он потом больше заплатит мне за вторую, третью и так далее. Твои безделицы нравятся соседской детворе. Подумай об этом!

С тех пор у маленького Да в карманах не переводились сладости, красивые камушки и другие предметы,

которым детское воображение придает ценность. Впрочем, он так же легко делился ими со сверстниками.

— Делового человека из нашего сына не выйдет, — вздохнул Джао Сэ, после многотрудного дня сидя подле супруги на циновке у входа. — Предки одарили его талантами, но разума не дали. Вырастет и пустит мое дело по ветру!

— Или полетит по ветру к своей мечте, — кротко улыбнулась Мин-Су. Джао Сэ только недовольно пробормотал: «В тебя пошел!» — и отвернулся. Он ничего не понял в словах жены.

Когда маленький Да, устроившись возле окна, мастерила свои поделки, рядом обыкновенно сидел мудрый рыжий кот Чин Иен, неподвижный, как статуя домашнего божества. Он внимательно наблюдал за мальчиком своими выцветшими бурными глазами. Коту, наверное, было лет десять или больше. Он помнил еще дедушку Джао, который и дал ему это странное имя — в честь своего прежнего боевого корабля. Как видно, рыжие бока кота напомнили ему цветом покрытые ржавчиной борта броненосца — или что там еще пришло в его затуманенную опиумным дымом боцманскую голову.

Кот Чин Иен был главным другом пятилетнего Джао Да. Мальчонка даже разговаривал с ним, как с человеком, и уверял, что, когда никто не слышит, кот отвечает ему. Действительно, усатый Чин Иен был очень умен и мог быть назван подлинным последователем учения Будды. Большую часть дня он проводил в глубокомысленной медитации — дремал на солнышке возле хозяйской фанзы. Не желая причинять страдание ничему живому, как заповедовал вероучитель из рода Шакья, Чин Иен позволял шустрим черным мышкам и серым хомячкам собирать зернышки риса, просыпавшиеся из мешков. Лишь когда крошечные разбойники прогрызали мешок, кот выпускал когти, с молодой стремительностью прыгал вперед и хватал одного-двух грызунов. Но никогда не убивал,

а, прижав лапами и вдоволь покатав с боку на бок, отпустил восвояси, чтобы они могли рассказать своим о пережитом ужасе и грызущая братия впредь не забывала о приличиях.

Однако все в поднебесном мире имеет свой конец. Кот сильно одряхлел и начал болеть. Шерсть его стала облезлой, глаза потухли, усы, прежде молодецки торчавшие в стороны, грустно обвисли. Ходил Чин Иен все меньше, с трудом волоча лапы, покачиваясь, словно тот броненосец после своего первого и последнего боя. Джао Да очень жалел четырехлапого друга, поил его из фарфоровой мисочки гретым молоком, носил ему вкусности. Но Чин Иен только смотрел благодарными мудрыми глазами и ничего не ел.

Однажды престарелый кот пропал со своей любимой лежанки. Башмачник Джао Сэ вернулся из-за ограды с опечаленным видом (благочестивого кота любили все домашние), неся лопату, на которую налипли комочки свежей земли.

— Отец, мама, где наш кот, где Чин Иен? — горько заплакал маленький Да.

«Сдох, все мы когда-нибудь сдохнем», — хотел ответить Джао Сэ, но супруга остановила его мягким движением руки. Она обняла плачущего сынишку и сказала нараспев, словно рассказывала сказку:

— Наш Чин Иен стал летающим зверем, мой маленький! Теперь у него выросли большие оранжевые крылья, он будет летать высоко-высоко и присматривать сверху, чтобы ты рос умницей и слушался нас с отцом!

— А он прилетит опять? — утирая сопли, спросил Джао Да.

— Нет, сынок, — ответила Мин-Су печально. — Летающие звери, как и летающие люди, никогда не возвращаются. Видишь ли, если они захотят вернуться, они утратят волшебную силу помогать нам. Они очень любят нас и хотят помогать и потому не прилетают обратно.

— Ну наплела! — восхитился вечно пьяный пастырь деревенского благочестия монах Юнь Ши, завернувший выклянчить у Джао Сэ пару монет на выпивку. — За распространение твоей женой ложного вероучения с тебя штраф, Джао Сэ! Пятьдесят юаней, исключительно на ремонт пагоды!

— Получи на бутылку байцзю⁷ и пропади! — прикрикнул на него Джао Сэ, бросая мелкую монету. — Пагода и без моих кровных денег не развалится...

А маленький Джао Да доверчиво посмотрел матери в глаза и пообещал:

— Когда я вырасту, я точно научусь летать. Я полечу высоко-высоко и обязательно встречу там Чин Иена и остальных летающих зверей!

Башмачника Джао Сэ в деревне Лайан-Цися сильно недолюбливали. Он был предприимчив и успешен в делах. Его изделия были добротны; кроме изготовления традиционных китайских моделей, он умел копировать модные европейские образцы, тачал обувь и по мерке, и по размеру. В фанзу мастера Сэ приходили клиенты со всего уезда, и с утра до вечера раздавалось в его мастерской мерное постукивание сапожного молоточка — от заказов отбоя не было. У Джао Сэ водились деньги, он мог полностью освободить себя и семью от крестьянского труда, покупая все необходимое и даже сверх этого. Более того, он ссуживал деньгами нуждающихся соседей. Джао Сэ давал в долг под разумный процент, куда меньший, чем ростовщики из города, однако его все равно называли в селе скрягой. Фанза семейства Джао была не только добротной и чистой, но и убранной с некоторым изяществом, в чем чувствовался природный вкус горожанки

⁷ Китайский традиционный крепчайший алкогольный напиток, до 60–70 градусов.

Мин-Су. «Чистюля проклятый, презирает свое крестьянское сословие», — ворчали селяне, забывая, что в их хижинах было грязно не от бедности, а от недостатка уважения к себе. Деревенские жители во всем мире недолюбливают своих земляков, которые живут чуть богаче и красивее остальных, даже если их благосостояние заработано честным трудом.

«Пусть накажут проклятого скрягу все духи и демоны!» — шипели вслед Джао Сэ завистники, но задираться опасались: башмачник умел постоять за себя и за своих — как-никак сын моряка! Они утешались тем, что после рождения первенца Да других детей в семье деревенского богача не появлялось. Его супруга Мин-Су никак не могла понести вновь, в то время как другие молодые женщины в Лайан-Цися регулярно таскали огромные животы и рожали чуть не каждый год. Не уклонились от внимания деревенских сплетников и визиты доктора, которого Джао Сэ несколько раз привозил к жене из города. «Бесплодная горожанка надоест мастеру, — шептались местные девушки. — Он возьмет вторую жену, она будет жить в достатке и праздности и родит ему много детей! Ах, пусть это буду я!» Нелюбовь сельчан к Джао Сэ не распространялась на незамужних молодых женщин: башмачник был не только богат, но и хорош собою — видный, рослый мужчина. Однако Джао Сэ твердо сказал: «Если небесам угодно, этот шалопай Да будет моим единственным наследником, хоть из него вряд ли выйдет толк. Или благодаря заступничеству праведных предков (особенно моего папаши-боцмана, посеявшего семя в каждом порту) я буду отцом еще не раз. Но я не желаю другой жены, кроме моей возлюбленной Мин-Су, и сохраню ей верность». За это его искренне похвалил деревенский учитель Зоу Ван-Хуа, как просвещенный человек, некоторое время даже проживший в Америке (он работал там на стройке), считавший многоженство пережитком Цинской империи.

Между тем сама Цинская империя отошла в прошлое гораздо раньше, чем традиция многоженства, а за ней и Китайская империя вместе с ее амбициозным основателем генералом Юань Шикаем. Оставшаяся на перепутье между новым временем и своим огромным пространством, Поднебесная пребывала в состоянии, более всего напоминавшем кусочки выкройки на рабочем верстаке у Джао Сэ, когда он уже раскроил кожу, но еще не принялся тачать башмак. На каждом «куске кожи» господствовал свой таракан или кровожадный клоп — военный или политический руководитель, управлявший провинцией или просто грабивший ее, поддерживавший или каравший население, балансирующее между вопиющей нищетой и просто бедностью. Несколько тысяч коекак прикормленных и разнообразно вооруженных солдат, доставшихся этому «правителю», «председателю», «губернатору» или «генералу» в наследство от многочисленных революционных войн и восстаний, были достаточной гарантией его полномочий. «Общекитайский обувщик», лидер национальной революции Сунь Ятсен, дальновидный, но ограниченный в средствах и от этого чрезмерно осторожный, еще только брался за дратву, чтобы стянуть эти лоскуты в подобие разболтанного башмака... Или хотя бы попытаться стянуть. Пока же местные «князьки», которых с легкой руки иностранных журналистов прозвали милитаристами, или, по-китайски, дуцзюнями, с энтузиазмом выясняли между собой отношения, организуя в соседские пределы военные походы — не очень кровопролитные, но очень шумные.

Сколько маленький Джао Да помнил себя за свою шестилетнюю жизнь, в деревню Лайан-Цися то и дело заходили отряды солдат — запыленных, оборванных, обвешанных оружием и реквизированным крестьянским скарбом, горластых и вечно голодных. Некоторые платили сельчанам за припасы и фураж для своих тощих кляч, другие попросту отбирали необходимое

под угрозой оружия. Солдаты делали страшные лица и ужасно ругались, но брали не очень много, чтобы не разозлить местных, а если стреляли, то в основном в воздух. За все время от пуль в деревне пали только несколько особенно ревностных сторожевых псов. Однако крестьяне все равно кормили вояк, даже бесплатно, — обе стороны знали правила игры. Единственным, кто в деревне не хотел играть по правилам, был обувщик Джао Сэ. Он всегда брал с солдат плату за починку их разбитой маршами худой обуви — заставить отца работать угрозами было невозможно, знал маленький Да. Никто и не пытался — в сельском башмачнике чувствовалась какая-то скрытая сила, совсем не задиристая и не крикливая, не чета солдатской, зато нестигаемая.

В тот ясный осенний день кавалерийский отряд очередного дущюня, то ли уездного, то ли провинциального, то ли еще какого-то уровня, заплутал где-то в окрестностях деревни Лайан-Цися, а то и перешел на сторону соперника — такое случалось нередко. Так или иначе, но обеспокоенный судьбой своей кавалерии милитарист послал, чтобы немедленно выяснить ее, «веяние новейшей эпохи».

Маленький Да удобно устроился на крыше родительской фанзы, упершись босыми ногами в сточный желоб, и по своему обыкновению угадывал, на что больше похоже плывущее облако — на длинноусую и рогатую голову дракона Люна⁸ или на скачущих коней. Облако плыло в синеве и постепенно меняло свои очертания, создавая все новые образы, как будто действительно было волшебным драконом. И тут внимание мальчика привлек характерный стрекот, еще отдаленный, но быстро приближавшийся и нараставший. Он был слишком силен и явно механического происхождения, чтобы быть треском

⁸ Персонаж китайской мифологии, магический дракон, который мог превращаться в любые предметы и принимать человеческий облик.

дикад. Скорее он напоминал рокочущий звук мотора, с которым двигались автомобили — эти самобеглые повозки не раз проносились по грунтовой дороге мимо деревни, но в отличие от большинства мальчишек Джао Да ими не интересовался. Его интересы были в небе. Именно с неба доносился этот необъяснимый звук.

Джао Да с изумлением воззрился в желанную стихию — и в пределы его взора по небу вдруг гордо вплыла необычная птица. Или не птица? Даже знаний шестилетнего мальчишки хватило, чтобы понять: это творение рук человека, родня воздушным змеям, которые запускали мальчишки постарше, но во много раз больше и красивее. Дивная машина состояла из двух ярусов крыльев прямоугольной формы и хвостового оперения, соединенных какими-то тонкими балками. Этим она отдаленно напоминала городской шкафчик-этажерку, в котором отец и мать держали домашнюю статуэтку Будды, а также денежное дерево, трехлапую жабу удачи, пузатого божка счастья Хотэя, коллекцию слоников и прочие реликвии фэншуя. Спереди у крылатой машины была небольшая гондола округлых очертаний, напоминавшая старинную повозку из маминых книжек с картинками, и на ней колесился сверкающий диск — либо нечто напоминавшее диск из-за быстроты своего вращения.

— Отец, мама, смотрите! Летит! Оно летит! — во всю силу своих маленьких легких закричал Джао Да и буквально скатился во двор. Вскочил, не замечая ушибов и царапин, и опрометью бросился на улицу — эту чудесную механическую птицу должны были увидеть все!

Действительно, жители Лайан-Цися как один бросили свои занятия и, разинув рты, уставились вверх. Земледельцы стояли по колено в воде на рисовом поле, побросав от изумления мотыги и задрав головы так, что их широкие соломенные шляпы съехали на спины. Женщины забыли на огне выкипающие горшки и оживленно жестикулировали, указывая пальцами в небо. Пьянчуги во

главе с нетрезвым настоятелем пагоды вывалились из питейного заведения. И конечно же, бросили свои игры ради сказочного зрелища детишки.

Один башмачник Джао Сэ с неодобрением поглядывал вверх, посасывая погасшую трубочку, но не оставлял работы. Ему происходящее явно не нравилось — если тут повадятся летать всякие, то люди только и будут пялиться ввысь, вместо того чтобы работать. Кто и чем тогда вернет ему долги?! Зато супруга мастера Мин-Су замечталась, глядя на небесного гостя, и даже закинула руки за голову; ее нежное лицо было в ту минуту особенно красиво.

— Мама, что это? — спросил ее маленький Да. Он был в том счастливом возрасте, когда ребенок считает, что его мама все знает, все умеет.

— Наверное, это аэроплан, мой маленький! — не совсем уверенно ответила Мин-Су. Она была более развита, чем большинство деревенских жительниц, и читала книжки. Но техника не входила в круг ее интересов, а жизненный опыт ограничивался родительским домом и замужеством.

— А что такое аэроплан? — не удовлетворился Джао Да.

— Ну... Это такая воздушная повозка, чтобы летать по небу. В ней люди, — Мин-Су явно превзошла собственные способности наставницы.

— А почему он не падает, мама?

Тут на помощь исчерпавшей свои знания Мин-Су пришел подошедший учитель Зоу Ван-Хуа. Деревенский наставник был беден как мышь, всегда ходил в одном и том же латаном-перелатаном американском костюме, но носил его с гордостью, как знак цивилизации. Поощрительно потрепав любознательного мальчика по волосам, он объяснил:

— Видишь этот стремительно вращающийся винт, малыш Да? Он вертится. Как крылья у мельницы, только

в тысячу раз быстрее. И как мельницу крутит ветер, так винт сам создает очень сильный воздушный поток, который подхватывает и несет этот летательный аппарат тяжелее воздуха. А чтобы управлять полетом, летчик, то есть тот смелый человек, который сидит в аэроплане, может наклонять и опускать на крыльях специальные рули, вроде как весло у лодки в воде...

Этот простейший курс авиации, быть может небезупречный на взгляд специалиста, произвел на разум шестилетнего Джао Да мощное впечатление. Он тотчас представил себя сидящим в этой крылатой лодке и могучими руками отгибающим рули на крыльях. Вокруг свистит ветер, который создают вращающиеся лопасти стремительной мельницы, далеко внизу плывут изогнутые крыши родной деревни, а мама Мин-Су машет ему из сада своим широким рукавом...

— Дядя учитель, а летчики все смелые герои?

Учитель Зоу Ван-Хуа ответил не сразу, явно рисуясь перед красавицей Мин-Су, к которой (вся деревня знала) он, что называется, неровно дышал — совершенно бескорыстно, без задней мысли.

— Чтобы покорять воздушный океан, смелость необходима. Видишь ли, малыш Да, аэроплан, иначе говоря — самолет...

— Бесплезная иностранная штука, — буркнул Джао Сэ, с досадой приколачивая каблук. — Мы, китайцы, в нее никогда не полезем, нечего в небе делать. Нам на земле работы хватает. Запомни это, сын!

— Отнюдь не так, уважаемый Джао Сэ, — вежливо, но запальчиво вступил в разговор учитель Зоу Ван-Хуа. — Мы, китайцы, великий народ с великим будущим, хотя сами не понимаем этого. И с аэропланами уже много лет знакомы самые образованные, самые передовые из наших людей! Вот, например, наш прославленный пионер авиации, блистательный инженер Фэн Жу, которого, кстати, я имел честь знать, когда жил в Сан-Франциско.

Он построил самолет на собранные нашими земляками-хуацяо⁹ средства еще в 1909 году. «Калифорнийская газета» тогда написала: «Китайцы в области самолетостроения уже превосходили американцев»¹⁰. Потом славный Фэн Жу вернулся с построенными им самолетами в Китай, а когда грянула революция, вождь народа Сунь Ятсен назначил его командиром авиаотряда в своих войсках...

Маленький Джао Да слушал красноречивого учителя, восхищенно разинув рот, и эту мимику в точности повторяла его мать, забыв, что замужней женщине не пристало так вести себя. На самом деле рты поразевало полдеревни. Учителя все считали чудаком и неудачником, не заработавшим денег в Америке и не ставшим большим человеком в революцию. Никто и не думал, что он знает такие чудесные истории. Только вечно пьяный настоятель пагоды Юнь Ши воздел перст, колеблемый парами алкоголя, и назидательно изрек в продолжение рассказа учителя:

— Однако небеса Поднебесной империи не приняли этого ругателя основ мироздания Фэн Жу и ниспровергли на землю, унизив его гордость!

Монах тоже был знающим человеком, пока не начал пить.

— Да, я сам видел это, — скорбным голосом признал учитель Зоу. — Я служил в Гуаньчжоу в революционном полку, когда герой китайского неба Фэн Жу разбился во время показательного полета над Яньтанем. Смелого авиатора достали из-под обломков аэроплана, но Фэн Жу был смертельно ранен, спасти его не удалось...

— Полезешь в небо, сынок, кончишь тем же! — сказал своему маленькому сыну обувщик Джао Сэ, а его жена

⁹ Самоназвание китайских эмигрантов в Америке.

¹⁰ Цитата по дореволюционному российскому изданию «Вестник воздухоплавания», 1910. № 13.

Мин-Су только тихонько вскрикнула и побледнела. Она уже знала: вырастет и несомненно полезет.

Учитель театральным жестом поднял руку, призывая к вниманию, и завершил свой рассказ:

— Я отчетливо слышал, как Фэн Жу, умирая, сказал своим ученикам: «Несмотря на жертвы, нельзя терять веру, нужно продолжать полеты!»¹¹ Сегодня наша страна разобщена, она еще беднее, чем была при Цинской империи, и каждого из нас заботит лишь собственное пропитание. Но пускай наши дети почаще смотрят в небо, как малыш Да! Может быть, кто-нибудь из них станет продолжателем дела Фэн Жу.

В тот день маленький Джао Да решил для себя: «Когда я вырасту, стану летчиком!» Его отец только недовольно поворчал и постарался забыть об этом: мало ли о чем мечтают дети, он сам, например, в детстве хотел стать императором, а его супруга — принцессой. И где теперь все императоры и принцессы? Сидят, запертые, в Запретном городе, а революционеры их стерегут и выдают скудный паек¹². Он, Джао Сэ, успешен и как обувщик, и Мин-Су стала его женой без всякого титула...

Однако, в отличие от них, наш герой сохранил верность своей детской мечте на всю жизнь.

Джао Да не был первым учеником в деревенской школе, занимавшей обычную крестьянскую фанзу, такую ветхую, что она давно распалась бы под порывом ветра, не подмазывая учитель Зоу глиной ее старые стены и не латай он своими силами дырявую крышу. В единственном классе, где единственный деревенский грамотей,

¹¹ Последние слова пионера китайской авиации Фэн Жу разные источники приводят по-разному, но таков их общий смысл.

¹² После победы Синьхайской революции последний китайский император Пу И до 1924 г. сохранял титул и право жительства в пекинском Запретном городе, а по статусу приравнивался к иностранному монарху.

явно подражая американской системе, делил своих непоседливых учеников на продвинутый и базовый уровни, сын обувщика занимал среднее положение.

Джао Да нравилась математика точностью и безальтернативностью своих решений. Английский язык, который учитель Зоу выучил, строя дома в Сан-Франциско, мальчишка учил с его слов с еще большей легкостью — в жеваном и глотающем слоги американском исполнении. Неплохо получалось выписывать старой отцовской кисточкой для клея затейливые иероглифы. Это было красиво, а угадывание в них пиньинь — звучание слов — напоминало забавную и, главное, умную игру. Нравилась рассказы из родной истории: они были так похожи на сказки, которые читала ему мать, и часто прослеживалось сходство сюжета. А вот когда учитель Зоу Ван-Хуа забирался на любимого конька и задавал учить что-то из многоумной китайской литературы и философии, сын башмачника плелся в хвосте. Пока не понял, что совершенно незачем зубрить из заумных книжек, которые к тому же имелись всегда в единственном экземпляре и приходилось брать их с боем у других сорванцов. Если сочинить от себя что-нибудь похожее, главное — побольше красивых слов и позаумнее, учитель Зоу поленится проверять и поставит высший балл — 100. Иногда это срабатывало.

Основы буддистского вероучения подрастающему поколению Лайан-Цися должен был преподавать настоятель пагоды Юнь Ши, но тот был почти всегда пьян и прогуливал уроки чаще, чем ученики, так что в знании благочестия Джао Да явно не продвинулся.

Однако в другом знании во всей округе не было равных сыну башмачника. К девяти годам Джао Да знал наизусть все типы самолетов, которые только были известны его учителю или о которых удавалось вычитать в попадавших (нечасто) в деревню газетах. Ему было известно, что моноплан «Таубе» имеет характерные очертания парящей птицы с распушенным хвостом,

а «этажерка», пролетавшая над Лайан-Цися, скорее всего, была бипланом «Кордон»¹³ постройки далекой страны Франции. А еще есть «Ньюпор», «Моран», «Сопвич», «Фоккер», «Альбатрос» и множество других, названия которых учитель Зоу не знал или запомнил. В соседней огромной стране под названием Россия, которая раньше была империей, а теперь республикой, совсем как Китай, во время большой войны в Европе построили даже огромный аэроплан с четырьмя моторами, который назывался «Иль-Йя (далее нечитаемо)»¹⁴. Целый угол в фанзе обувщика Сэ теперь был обклеен вырезанными из газет картинками, изображавшими крылатые машины, а мальчишки в Лайан-Цися играли бумажными самолетиками, которые мастерил его сынишка.

Девяти лет от роду Джао Да твердо знал: история о летающих зверях, рассказанная мамой после кончины его любимого кота, — это сказка. Все живое, совершив свой цикл, уходит в землю... Но в сказки в детстве так хочется верить, особенно если они о любимой небесной стихии! И на праздник Вэйфан¹⁵ 1924 года, когда детвора в Лайан-Цися запускала воздушных змеев, Джао Да решил снова перейти привычные пределы и изготовить воздушный змей собственной конструкции. Он заранее придумал змею имя: «Крылатый кот». Позаимствовав кое-что из отцовских инструментов, Джао Да засел за работу. Каркас «Крылатого кота» он склеил сапожным клеем из тщательно изогнутых бамбуковых планок, придав ему форму распластавшегося в полете крылатого зверя. По примеру элеронов аэроплана, о принципе работы которых

¹³ «Кордон» GIII, самый распространенный самолет в Китае до середины 1920-х гг.

¹⁴ Имеется в виду знаменитый тяжелый бомбардировщик «Илья Муромец».

¹⁵ По названию города, считающегося общекитайской столицей воздушных змеев; празднуется 20–24 апреля.

мальчуган уже хорошо знал, крылья он снабдил отгибающимися планками, чтобы змей мог менять высоту полета, а широкий хвост сделал подобием руля, чтобы он менял направление. Джао Да долго мерил конструкцию школьной линейкой, высчитывал, переделывал, чтобы добиться при сложной форме рамы полной симметричности: иначе змей просто не полетит!

Он долго думал над материалом для обтяжки, выбирая между шелком и прочной бумагой. Шелк был прочнее. Преимущество бумаги было в ее дешевизне: с ней легко было работать и создавать на ней любые, даже самые сложные рисунки. Однако решающее слово сказала Мин-Су, которая самоотверженно подарила сыну свой старый шелковый ченсам¹⁶ с изображением дракона. Во-первых, шелка в ченсаве оказалось более чем довольно, во-вторых, на нем был изображен красивый яркий дракон, придавший шкуре «Крылатого кота» нарядность и подаривший ему два выразительных зеленых глаза, а в-третьих и в-главных — это был мамин подарок!

Закончив конструкцию, маленький покоритель воздушной стихии занялся системой управления. На закрылки он укрепил длинные шелковые шнуры (полученные от расплетенного пояса маминого ченсама), натяжение каждого из них давало перемену высоты и крен в соответствующую сторону, а руль высоты должен был сам принимать необходимое положение в зависимости от крена. Облетав «Крылатого кота» с крыши родительской фанзы, Джао Да пришел в совершенный восторг: воздушный змей двигался в воздухе точно так, как хотелось его хозяину, и при этом был вызывающе красив. Куда до него простеньким геометрическим змеям других мальчишек, влекомым ветром, как опавшие листья!

¹⁶ Женское платье очень свободного покроя, элемент народного костюма Китая.

На деревенском празднике змею Джао Да не было равных. Если бы девятилетний авиатор не был так увлечен управлением, он бы увидел, как полдеревни усталились на его «Крылатого кота» примерно с тем же выражением, что давеча на пролетавший аэроплан. Мин-Су, одетая в честь первого полета сына особенно празднично, отвечала на лицемерные сетования соседок, узнавших в обшивке змея ее наряд:

— Ну и что! Где лучшее место красоте, как не в небе?

Учитель Зоу выглядел гордым и одухотворенным, как будто летел он сам.

Даже не любивший пялиться в небо обузщик Джао Сэ был доволен: он любил, когда его сын побеждал других, такое качество пригодится предприимчивому человеку. Но Джао Да никогда не был тщеславен, ему не нужны были ни проявления восторга сверстниц, ни завистливые взгляды сверстников, ни похвалы взрослых. Полет — вот что было ему лучшей наградой!

Но разве добьешься настоящего полета на крошечной деревенской площади, зажатой между крыш — того и гляди змей зацепится за уступчатую крышу пагоды («И разрушит ее», — гнусаво заметил настоятель Юнь Ши)! Джао Да покрепче намотал на руки шелковые шнурки управления и со всех ног побежал за деревню, мимо огородов и рисовых полей, мимо пастбища с тощим стадом, на дорогу, где можно было взять подлинный разгон. «Крылатый кот» гордо и ярко парил в вышине и выполнял самые немыслимые фигуры пилотажа. Завороженный этим зрелищем, девятилетний пилот не заметил, что на дороге остановились два запыленных автомобиля — длинные, угловатые немецкие «Майбахи» на широких колесах. Вышедшие из них пассажиры — несколько высоких чиновников и окружавшая их охрана с маузерами в деревянных футлярах на бедре — с интересом наблюдали за полетом невиданного воздушного змея. От неожиданности Джао Да споткнулся о камень — и растянулся в пыли

во весь рост, больно ударившись локтями и коленями. Тросы управления натянулись, «Крылатый кот» отвесно нырнул к земле и спикировал прямо в руки главного из зрителей — немолодого седоусого господина в светлом френче. Тот ловко поймал аппарат и принялся с интересом рассматривать его. В усталых глазах, желтый цвет которых выдавал затаенную тяжелую болезнь, блеснул живой огонек. Господин сказал несколько слов сопровождающим, и здоровенный детина-охранник в сером мундире с красивыми шнурками на груди рывком поднял Джао Да на ноги и поставил его перед начальником.

Мальчонка поднял на важного господина смелые глаза — не в его природе было бояться тех, кто стоял выше, он и сам стремился ввысь!

— Как тебя зовут, малый, и чей ты сын? — дружелюбно спросил седоусый господин. Голос у него был выразительный, чувствовалось, что он привык говорить перед большими собраниями.

Джао Да скромно, но с достоинством представился.

— Какой интересный воздушный змей, посмотрите, генерал Галин!¹⁷ — седоусый обратился к своему спутнику, высокому длиннолицему европейцу в полувоенном костюме. — Здесь и элероны, и руль... Это настоящий маленький аэроплан!

Европеец сдержанно кивнул, а седоусый господин снова обратился к маленькому Джао Да:

— Ты сам построил этот летательный аппарат, малый?

— Да, — скромно отвечал будущий летчик. — Когда я вырасту, я буду летать на настоящем аэроплане!

— Так ты хочешь быть летчиком? — просиял седоусый.

— Да, таким летчиком, как герой Фэн Жу, даже еще лучше!

¹⁷ Генерал Зой Галин — псевдоним советского военачальника Василия Блюхера (1890–1938), главного военного советника Сунь Ятсена в 1924–1925 гг.

Важный господин ласково потрепал маленького энтузиаста по плечу и возбужденно сказал своей свите:

— Я не устаю говорить: в Китае авиация спасет государство!¹⁸ Убежден, что за такими ребятами — будущее авиации, будущее нашей страны! Старайся, маленький Джао Да, учись усердно и следуй своему стремлению, — пожелал он мальчику. — Тогда новое поколение летчиков Китая, быть может, запомнит твое имя, как мы помним имя Фэн Жу!

Он махнул рукой сопровождающим и забрался в свой автомобиль. Водитель завел мотор, охрана поспешила занять места. Длиннолицый европеец, которого седоусый назвал генералом Галиным, немного задержался и присел на корточки возле Джао Да. Китаец-переводчик услужливо склонился рядом.

— Малыш, сколько стоит твой воздушный змей? — спросил европеец. — Продай его мне, не пожалеешь!

— Зачем вам воздушный змей? — вместо ответа любопытствовал Джао Да. — Разве генералы играют в игрушки?

— Еще как играют! — засмеялся генерал. — Знал бы ты, малыш, сколько новшеств в военной технике подсказано игрушками! Хотя бы ваше китайское изобретение, порох. Управляемый на дистанции аэроплан без пилота — это оружие будущего... Продай мне своего змея, я дам хорошие деньги!

— Простите, но я сам хочу играть в него, — решительно заявил маленький Да и прижал «Крылатого кота» к груди. — Он сделан из маминого платья, он не продается.

Генерал усмехнулся и пробормотал: «Летчиком — не знаю, а офицером, возможно, станет: честь выше денег!» Он снял свою защитную фуражку с матерчатым козырьком и надел ее на голову Джао Да:

¹⁸ Один из лозунгов Сунь Ятсена, уделявшего большое внимание развитию авиации в Китае.